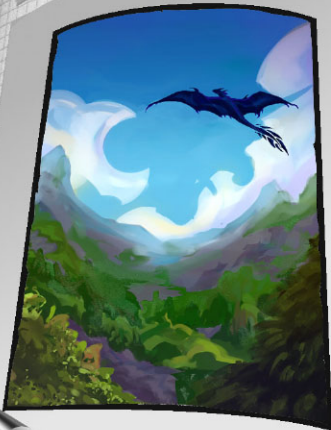

Таня Саврюкова

ИСТОРИИ О...

НОВЫЕ ИМЕНА

НОВЫЕ ИМЕНА • 37

Татьяна Севрюкова

ИСТОРИИ О...

Рассказы

Оренбург, 2019

Эта книга издана в рамках реализации социально значимого проекта «Всероссийский семинар-совещание молодых писателей “Мы выросли в России”» с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

УДК 8Р2 (092)
ББК 83 (2Рос=Рус) 6-8
С 28

12+

Таисия Севрюкова. *Истории о... Рассказы.* – Оренбург: Издательский центр МВГ, 2019. – 60 с.

© Таисия Севрюкова, рассказы, 2019 г.

© Издательский центр МВГ, 2019 г.

*Каждый из нас начинается с истории.
Как и вообще всё в этом мире.
Истории того, что может и чего не может быть,
но слишком уж интересно.*

История выбора. Лицензия

Мне семнадцать, и вчера, накануне своего дня рождения, я снова ходила стричься почти под ноль. Так проще – без лирики, без накручивания прядей на палец. Без надежды на то, что ко мне не придут и не спросят.

Мне семнадцать, и я давно всё обдумала.

Говорят, до того, как люди всё испортили, приведя мир к Тёмному времени, жизнь текла и ценилась иначе. Когда-то давно убийцы сидели в тюрьмах, а правители стояли во главе государств. Теперь убийцы просто делают дозволенное Лицензией, а кабинеты бывших правительств увешаны религиозной символикой: пятьдесят серебристых треугольников на чёрном фоне и знак бесконечности в центре. Разве представление о смерти может быть более стильным?

В этом чёрно-серебряном стиле теперь раскрашен весь мир, все люди, населяющие его. Церковь Единого подарила людям некую надежду, объяснив, что на всё воля всевышнего.

Что мир очистился, а теперь задача выживших в экологических катастрофах – восстановить и упорядочить жизнь.

Считается, что с первой задачей мы более или менее справились. По крайней мере, рождаемость подскочила до небывалых высот.

Упорядочить всё оказалось немного сложнее. Люди рождались и рождались, не зная прежнего мира, сразу окунаясь в хаос нынешнего. Жестокость и все подобные качества людей проявлялись невовремя, не так, неправильно. И тогда церковь Единого решила не бороться с ними, но упорядочить даже их – и смогла.

Каждый человек – это творение Единого, и он способен исполнять волю своего создателя. В день совершеннолетия к тебе придут, чтобы узнать, скольких тебе предначертано отправить в небытие. Если ты кого-то убил, значит, так нужно было нашему богу, не требующему жертв, но получающему их постоянно. Если убили тебя, значит, это тоже было его решение. Но убийство всё равно что-то обрывает и ломает в тебе. Каждый может выдержать лишь количество смертей, названное в ответ на тот самый вопрос. Дальше – помешательство, отступление от божественной воли и строгая, но справедливая кара. От наказания не убежать. Не спрятаться. Система всё видит и всех находит.

Если ты убил больше, чем указано в твоей Лицензии, выстрадаешь свою ошибку и исчезнешь из этого мира. Максимальным числом убийств всегда является пятьдесят.

Точнее, почти всегда.

Я сижу перед зеркалом в своей комнате и смотрю на себя, пересечённую тонкой трещиной на стекле. Ещё есть немного времени, чтобы побыть наедине с собой, затишье перед громким полуденным ударом часов.

Отец на работе, как и обычно. Он придёт вечером, тщательно вымоет неизменно пахнущие краской руки, обнимет меня и поцелует в лоб. Может, он будет обнимать немного дольше, чем всегда, а я буду думать о том, что его руки дрожат, когда он держит в них что-то опаснее малярной кисти.

Мать сегодня ещё более ласковая, но какая-то тихая и даже грустная. Она что-то режет на кухне и шепчет одну из странных молитв, нигде не записанных, но известных любому, передаваемых из уст в уста. Говорит, что у тебя больше шансов уцелеть, если ты верен церкви Единого, исправно молишься и отдаёшь в приходы дань – знак почитания. Я не знаю, верит ли она сама в то, о чём рассказывает, в действительности. Зато я знаю, что она готова вонзить кухонный нож в любого, кто покусится на жизнь её близких. Вот только за себя ни за что не сможет постоять.

Старший брат смотрит на меня с маленькой фотографии на столе. Это фото сделали, когда мне было двенадцать, и вскоре у меня осталось лишь оно. Брат не дожил до двадцати всего три месяца, всю свою короткую жизнь он отдал семье. Мать не смогла ни в кого всадить нож за него: не знала, в кого. Брат так никому и не признался, какое число назвал, когда приходили к нему. Его хоронили, как и всех, под чёрным покрывалом со всё теми же пятьюдесятью серебряными треугольниками и знаком бесконечности. Я даже не помню, плакала ли, потому что думалось об одном: никто не виноват в его смерти. Виноватых нет, вину за чужую смерть отменила церковь, её отменил сам бог, и мир принял его правила.

На часах без тринадцати полдень, а значит, мне пора.

Я скидываю домашнюю одежду и надеваю другую, ещё совсем новую. Подрабатываю давно, но деньги на обновки потратила всего пару раз: не до того было. Обдумывать ответ на этот вопрос, важный и кошмарный, я тоже начала давным-давно.

Всё можно рассчитать, и я сделала это, надеясь, что каждого из моих близких попытаются убить не более одного раза. Отец не может защитить себя сам, значит, один.

Натягиваю майку, сверху – кофту с закрытым горлом.

У матери осталось только одно разрешение, и если она потратит его, то не для себя. Я не хочу оставить её без защиты, а значит, это уже два.

Ремень застёгивается туго, зато сидит удобно, а это мне и нужно.

Однажды у меня наверняка появится любимый человек, и у него может не быть права, так что теперь – три.

Получше зашнуровываю ботинки и резким движением застёгиваю молнии.

Как-то раз я даже подумала про детей, но потом поняла: детей у меня не будет. Они не заслужили ни этого мира, ни всех этих выворачивающих всю душу чувств.

Ощущая пока непривычную тяжесть жилета на теле, застёгиваю накинутую поверх куртку.

Зато себя оставлять без защиты нельзя, и это – четыре.

Смотрю на тканевую символику, висящую на стене, на серебристый цвет, смотрю на глиняную тарелку, к которой прилепляю свечи, на зажигалку и сами кусочки воска с фитильками.

Мир любит подкидывать неожиданности, так что полезно иметь запасной план, то есть пятый пункт в моём списке.

Я выхожу к дверям нашего маленького дома, вертя в руках кепку, а в голове – мысль о загаданной много лет назад цифре. Открываю сразу, услышав

звонок, и вижу на пороге слегка улыбающегося человека в одежде служителя церкви: тёмной с серебром, лаконичной и стильной.

– Итак, позвольте поприветствовать вас и поздравить с долгожданным совершеннолетием.

Он говорит размеренно и спокойно, без лишней слащавости, но чересчур вежливо. Я здороваюсь коротко и чётко, чувствуя спиной, как незаметно и тихо появилась у выхода из кухни мать.

– Я послан к вам от имени церкви создателя нашего Единого, чтобы задать всего один вопрос. Скажите, Лицензию на какое количество отнятия жизней вы считаете нужным получить?

За его спиной сереют город и небо, затянутое исхудавшими, призрачными облаками. Сейчас я назову число, выбранное так давно, и однажды мне не хватит этого числа, чтобы защитить всех, кого нужно. Даже в истерзанном мире с извращёнными порядками один закон работает неизменно: закон подлости. Я назову число, как это делают все, и одних людей будут убивать другие, потому что кто-то решил дать им на это право.

А те самые «кто-то» будут сидеть и смотреть, как знак бесконечности становится символом того, что этому безумию не будет конца.

Я смотрю в глаза служителю и произношу ответ громко и ясно. Человек на пороге замирает, а за

моей спиной слышится тихий шорох: кажется, мать выронила из рук полотенце.

– Извините, вы могли бы повторить свой ответ, чтобы я убедился...

– Я хочу получить безлимитную Лицензию и осознаю, что это повлечёт за собой прекращение моей жизни в возрасте двадцати пяти лет.

Если что-то его и смутило в первый миг, это уже прошло. Служитель вежливо улыбается и делает пометку в своём тонком удобном планшете – не чета обычным, массивным и с тусклым экраном.

– Пожалуйста, поставьте подпись в зелёном поле и в течение дня подтвердите, что в вашем личном деле появились сведения о Лицензии.

Я ставлю подпись и, не дожидаясь, пока служитель договорит слова прощания и уйдёт, открываю узкий ящик под сидением низкого потёртого диванчика, стоящего сбоку от двери.

– Что ж, поздравляю вас со вступлением на путь исполнения воли Единого и...

Мягко щёлкает предохранитель, и в тело служителя впиваются две пули. За спиной снова что-то падает, и вряд ли это полотенце.

– Мам, прости, что я не смогу защитить вас. Но если я смогу кое-что другое, то всё изменится.

Я закидываю за спину рюкзак с тем, на что удалось накопить со дня смерти брата. Высунувшийся

из серой машины второй служитель тоже получает пулю – в голову. Руку держу твёрдо, как учили в маленьком закрытом тире; голову держу свободной от мыслей, как учил брат.

В моей комнате на глиняной тарелке догорает символика со знаком бесконечности. В кабинетах бывших правительств сидят люди, количество которых я разузнала и подсчитала ещё в школе. Многоглавая гидра, которая, надеюсь, не умеет отраживать новые головы взамен отрубленных. Я не знаю, получится ли у меня, не знаю, найдутся ли те, кто поступит так же, как я.

Но мне семнадцать, и я давно всё обдумала.

У меня за спиной – тренировки тайком вместо художественной школы, в рюкзаке – список имён в блокноте, а впереди, если повезёт, – восемь лет.

И если Единый существует, пускай попробует уберечь своих служителей.

История зомби. Оксана

* * *

Бум. Бум. Скри-и-ип. Щёлк. Свет? Запах, запах, запах... Человек. Челове-е-ек! Челове-е-е-ек!

– Да ты же спокойный был! Замри, нежить чёртова! Ты всё равно ни цепь, ни ремни не порвёшь. Эй! Я сказала, замри, чт...

Бум.

* * *

Щёлк. Щёлк. Щёлк. Свет. Человек сидит далеко. Щёлкает. Человек! Пусти, человек!

– Заворочался? Подожди, вот обойму всю проверю... Повезло мне пистолет найти. И тебя, спокойного такого, и даже цветом ещё нормального. Вчера вот только что-то... нервничал. Это ничего, привыкнем друг к другу.

Женщина. Это человек-женщина. Женщина проверяет обойму пистолета.

– Не густо патронов. Да и припасов, и материала. Придётся выбирать, что с тобой делать, чего не делать... Посмотрим сначала, что ты ещё можешь жрать. Потом инъекции – пара вариантов у меня уже есть...

Женщина бормочет. У женщины яркий цвет и пистолет в руках.

– И томограмму сделать, пока электричество есть, энцефалограмму... Что смотришь? Вылупил тут глаза. Я тебя не боюсь, ясно? Не боюсь. Я... Я учёный и не боюсь своих подопытных! А тебя исследую, вскрыю, выкопаю из тебя всю полезную информацию и сожгу. И в землю зарю. А может, и не зарю: вдруг вирус в почву попадёт. Понятно?

Женщина боится. Нервничает. Это ясно и мне. Мне... Я?

– Так. Сейчас запишем продукты и начнём – чего откладывать-то? Пушку я к себе поближе возьму, пожалуй, а за продуктами сейчас ходим. А ты не уходи никуда, жди здесь, понял? Ха... Шучу. Чего не смеёшься?

Женщина смеётся нервно. Она боится меня и... быть одной. И говорит со мной.

– Ладно... Свет выключу, но тебя всё равно будет видно с порога, так и знай. Так что ты точно на меня не кинешься из темноты.

Темнота. Свет далеко. Уходила – видел женщину близко, видел глаза. Глаза – земля. Цвет земли. С пистолетом можно не бояться меня, но она боится других.

Свет. Женщина рядом, у неё что-то в руках.

– Опыт первый: кормёжка мясом животного. Жуй давай, ну!..

Запах, запах, запах! Мясо, мясо рядом, съешь мясо!

Женщина смотрит со страхом. С отвращением.

– Зачем я вообще это сделала?.. Мясо ты любое жрёшь, видимо. Значит, пробуем рыбу, потом растительное... Мучное. Придётся тебе корочки жевать.

* * *

Долгая темнота. Ночь. Ночью ходят другие, ночью ходил я, ночью люди не ходят – боятся. Им опасно. Хотел уйти – цепи и ремни не пустили. Пусти, человек!.. Не пустит. Ночью думал. Могу думать снова. Мог, потом не мог. Снова могу. Женщина кормила мясом, рыбой, овощами, хлебом. Овощи есть не могу. Могу другое, но всё равно не то.

Свет. Свет – это когда приходит женщина. Женщина рядом, с пистолетом и бумагой. Пишет, говорит. Говорит со мной, и мне... приятно. Давно не говорил. Не помню, что делал, но был один. Потом с теми, другими. Потом тут. Не помню...

– Ну, доброе утро. Ни черта оно не доброе, правда... Что ж, сегодня проводим тесты и анализируем результаты, то бишь исследуем. Как сказал бы мой научрук, отделяемся от мейнстрима и при-творяемся умными. Да, Сергей Палыч, земля пухом... Так. По идее, если я подойду вот отсюда, то ты меня не цапнешь... И я смогу прицепить датчики. Блин, руки трясутся...

Датчики почти не чувствую. Что-то бегаёт по телу изнутри, хватает. Кусает. Женщина боится, что я её укушу. Я хочу есть, это так. Но... Но?

– А ведь как будет глупо, если я тут умру. Особенно если ничего толкового не узнаю. За полезную информацию мне хотя бы на надгробии напишут: мол, научный работник Оксана Суворова героически погибла, выполняя свой долг перед человечеством. Хотя, думаю, надгробия у меня не будет. И тела не останется, если я сдохну прямо тут. Ты вот и съешь, когда наконец-то выберешься, или собратья твои.

Съесть женщину? Её можно съесть, да. Только мысль об этом вызывает... отвращение. Отвратительная мысль.

– И сколько всего хорошего я могла бы сделать, если бы не этот дурацкий вирус! А теперь сижу тут. Одна на целую лабораторию. И пытаюсь что-то выяснить о твари, в которую кто-то превратился. Ты же был человеком. Даже красивым, кажется: раз видно, значит, недавно обратился... И мои родители уже могли стать такими же. Чудовищами. Не знаю, что в центре – оно ведь идёт с окраин... У нас студенческий городок смели за считанные минуты, я даже не знаю, сколько превратились: их убили всех. Я сама, сама разбила голову своей однокласснице, потому что... Потому что она пыталась сожрать меня. А мы с ней дружили. Дружили, понимаешь?! Это ведь всё несправедливо! Неправильно! Это гораздо хуже

любой войны, потому что нет причин, потому что ты не выбираешь сторону. Потому что страшно и больно в итоге становится любому, кто жив, а ты вынужден убивать близких, чтобы они не убили тебя! И у всего этого даже нет смысла! За что нам это, за что?!

Женщину трясёт. Глаза – мокрая земля. Она снимает датчики, ставит другие – исследует. Больше не говорит. Не двигаюсь. Смотрю вниз. Мне... жаль.

* * *

– Эрик! Эрик, пожалуйста, не надо! Эрик, стой! Эрик, не на...

Хруст. Бум.

Темнота. Я видел что-то в темноте. Это называется сны. Мне не снятся сны. В горле воет. Вою тихо-тихо, а женщины нет. Вою один.

Мне не снятся сны. Сны снятся людям. Только людям.

* * *

Женщина сидит напротив меня и молчит. Она только исследует меня и почти не говорит со мной уже два дня. Дни считаю по темноте. Вспомнил, как считать, и обрадовался. Не помню, как это делается, но у меня получилось. Женщина говорит с диктофоном, потому что ей кажется ужасным говорить с чудовищем. Со мной. Но я слушаю её и учусь думать заново. Думаю о женщине.

Об Оксане.

У неё рыжие волосы. Теперь помню: они рыжие, как ржавчина, как листья осенью, как лисы и как один из цветов радуги. Мыслей много. Это так хорошо. Очень хочется есть. У неё карие глаза. Как земля, как шоколад, как кора дерева и как кофе. Хочется есть и кофе. Не помню вкуса кофе, но очень его хочу. Она ходит в тёплой тёмной одежде и белом халате. Она грызёт ручку, когда думает над записями. Она кормит меня чем-то хлебным и рыбным. Этого мало. Как же хочется есть...

– Я схожу с ума, по-моему.

Она говорит. Может, не со мной, но говорит. Смотрю на Оксану. Нет, со мной! Она смотрит на меня!

– Мне показалось, что ты загрустил. Бред. Грустный зомби... Просто бред. Может, голодный просто, вот и притих, но... Мне как-то не по себе. Хоть бы признаки жизни подавал. Вот я с тобой всё говорила сначала, а теперь думаю: зачем? Разве ж ты меня понимаешь?

Голова шевелится на шее плохо. Но я киваю. Оксана смотрит большими-большими глазами и не двигается.

– Ты сейчас... кивнул?

Ещё раз. Она смотрит снова и начинает смеяться. Такой смех называют истерическим. Смеётся, закрыв лицо руками, и плохо держится на ногах.

– Я точно умом тронулась! Какое, к чёрту, кивание?! Как мне может кивнуть зомби?! Да я же просто сошла с ума!

Комната качается: мотаю головой, мотаю так, чтобы она поняла – нет. Оксана видит. Снова замирает и медленно садится на стул.

– Ты что же, меня понимаешь?..

* * *

Электричество кончилось. Теперь Оксана не уходит спать в другую комнату. Генератор тут. Спит около генератора, и я слышу, как она всхлипывает в темноте. Она долго вполголоса кричала на меня, когда я начал ей кивать, плакала. Наставила пистолет и хотела застрелить. Не смогла. Не выстрелила. А мне очень хочется есть. Очень, очень, очень... Если выберусь – смогу поесть.

Но если я могу съесть Оксану, то лучше вообще не есть. Никогда.

Я снова рассматриваю свои изорванные и грязные джинсы, когда подходит Оксана со шприцем. Смотрит на меня внимательно и хмуро. Быстро зажимает какими-то щипцами руку, втыкает иголку и нажимает. Сначала ничего. Потом руку начинает жечь. В горле снова воет, тело дёргается. Оксана сидит в стороне, но вдруг встаёт. Я её плохо вижу. Как хочется есть. Дёргает долго, больно. Как непривычно чувствовать боль... Жжёт, жжёт, а Оксана подошла,

смотрит со страхом. Как она близко стоит. Есть, есть, есть, есть... Не хочу. Не хочу? Не хочу есть! Я не хочу есть! Жжёт и воет, но я не хочу есть! Я вижу Оксану и не хочу есть!

– Тебе больно?..

Вой застревает в глотке, только тихий скулёж ещё вырывается наружу. Оксана смотрит со страхом, но боится не меня. Не меня! Собираюсь с силами и киваю. И тяну губы в стороны, и мышцы не слушаются и хотят разорваться. А я киваю и улыбаюсь. Наверное, выглядит жутко. Оксана бледнеет.

– Больно? Так почему ты улыбаешься?! Если тебе больно, чего ты улыбаешься-то?! Даже люди не улыбаются, когда им больно, а ты!.. Почему?!

Потому что я не хочу есть. Потому что она не боится меня. Потому что я могу думать и кивать ей, или мотать головой, или вот улыбаться. Она учит меня делать так, как делают люди. Как я раньше делал. Горло само пытается ей сказать про это, но получается вой и хрип. Не могу говорить. Оксана снова плачет.

Потом есть хочется снова. Не так сильно, как раньше. Когда наступает ночь, я слышу в темноте голос Оксаны. Она первый раз говорит со мной ночью.

– Я так хочу увидеть звёзды ещё хоть раз... Но окон тут нет, поэтому я до сих пор здесь. Сюда не проберутся... наверное. Буду ждать. Не знаю, чего, но буду и дождусь, потому что сама далеко не уйду.

Только так. Меня обязательно найдут, обязательно... Выведут, и я снова увижу звёзды. И всё огромное ночное небо. Тёмно-синее, такое красивое. Я его помню. Море тоже бывает такого цвета. Я ездила на море, и мы иногда купались ночью, а я была самая счастливая. Лежала на воде, обнимая надувного дельфина, и мне так хорошо было. И мама меня держала, чтобы далеко не унесло. И папа брызгался, смеялся...

Голос Оксаны дрожит. Она снова будет плакать. Мне жаль. Я не виноват, но мне жаль.

– А ты, наверное, и не помнишь, кем был. Если у меня не получится хотя бы начать разработку противоядия, то я бы тоже хотела забыть. Всё забыть...

Я не нарочно скулю. Прости, если мешаю спать. Глупое горло само, и глупое... то, что осталось от сердца, тоже. Мне кажется, что там жжёт сильнее, чем руку. Я улыбаюсь, но Оксана не видит.

– Скулишь, да? Грустно? Мне тоже. И страшно, и одиноко... Только вот что. Тот препарат, который я тебе ввела, должен притуплять чувство голода и подавлять агрессию и инстинкты. Если ты правда меня понимаешь и можешь осознавать, что чувствуешь, давай так. Если сработало – рыкни три раза. Если сработало отчасти, на время – два. Если не сработало – один.

Два отрывистых звука приходится выдирать из глотки сквозь скулёж. Оксана делает преры-

вистый вдох, всхлипывает и замолкает. Через некоторое время я слышу, как она почти беззвучно смеётся.

* * *

Я думаю обо всём подряд, когда Оксана занята чем-то или её нет в комнате. Когда она рядом или говорит со мной, я думаю о ней. Она красивая. Теперь я помню, что это значит. Она умная. Она поняла, что я не опасен для неё, и теперь спокойно проводит те эксперименты, которые может. Я чувствую радость. Я хочу ей помочь и почти не хочу есть. Иногда говорит не она одна: я киваю и мотаю головой, делаю все эти «рыкни раз или два», только бы это напоминало разговор с ней. Говорить не могу. Горло отказывается говорить, а Оксана не решается снимать с меня ремни. Цепь снята: звенит и пугает её в темноте, а ремни не звенят. Я всё равно почти не шевелюсь, чтобы не нервировать её. Ей и так страшно.

Она продвинулась в исследованиях. Не знаю, как. Электричества хватает на слабый свет, еда у неё заканчивается, спит она всё хуже, а дней прошло мало. Но она продвинулась. Оксана делает лекарство, которое помогает, которое поможет всем, кто стал чудовищем недавно. Их можно спасти, она уверена. Остальных можно хотя бы сделать тупым, но малоопасным стадом. И обезвредить. Мне не грустно от этой мысли.

А иногда мне снятся сны. Маленькие, по несколько секунд. Но и человека во мне слишком мало. Я цепляюсь за них и за мысли об Оксане. Мне нравится чувствовать себя почти живым. Мне нравится быть рядом с Оксаной. Даже если я только её подопытный.

* * *

Необходимое закончилось, как раньше закончилось электричество, и Оксана ушла куда-то. Я не знаю, куда, но я остался один. Мне тревожно. Мне страшно. С ней может случиться столько всего. Столько всего плохого, столько ужасного, столько того, чего я не пережил бы, если бы был живым. Столько, столько...

Бум. Бум. Крик. Грохот выстрелов. Ремни натягиваются, когда я подаюсь вперёд, глядя в почти полную темноту. И чую их запах. Тех, других... Они здесь, они бегут, и Оксана бежит. Оксана! Оксана, Оксана, Окс...

Грохот врывается в комнату. Синеватый луч фонаря, падающего на пол. Оксана кричит, а они рычат и воют. Они убивают её. Прямо сейчас. Они убивают Оксану! Мою Оксану!

Кожа трещит и рвётся. Ремни рвутся тоже. А потом рвётся шея ближайшего из них, того, что оказался на моём пути.

* * *

Пол в крови и обрывках плоти. Луч светит вбок. Оксана лежит рядом с ним и хрипло дышит, захлёбываясь всхлипами и дрожа. Ноги отвыкли сгибаться, а я всё равно согнул их и сижу. Я не держу её за руку, потому что ей будет противно. Я омерзителен. Я и такие, как я. В горле клокочет вой, но я молчу, потому что хочу услышать её. Оксана шепчет. Она искутана, но ещё в сознании. И плачет, плачет, плачет...

– Я не хочу... Я не хочу быть как они! Не хочу быть чудовищем! Так нельзя, нельзя... Ты же понимаешь. Ты же меня слышишь. Убей меня, пожалуйста... Пожалуйста, убей!.. Я не хочу, не хочу... Если сдохнуть, то совсем... Совсем сдохнуть – не так... Ну пожалуйста!..

Её выкручивает и сгибает. Она меняется. Меня тоже изменило её лекарство. И она сама, но лекарство... Оно же должно быть где-то там, в глубине так и не умершей до конца плоти. В крови? Надеюсь, что в крови...

Почти вся кровь из порванного запястья всё же попадает ей в рот. Часть стекает по губам. У неё ещё не было таких красных губ. Торжественный макияж. Праздник или похороны? Я не знаю.

Как долго тянется время...

Оксана поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Карие глаза воспалены. Но они видят меня

и смотрят со смятением. Она чувствует его. И голод тоже. И много чего ещё, надеюсь. Ей придётся привыкнуть к этому. Но время у неё будет, если только нас не убьют оставшиеся в живых, те, кому повезло, кто держится.

Время будет.

* * *

День н-надцатый. У одной из лабораторий, встретившихся на пути группы выживших, они остановились недавно. Пришлось зачистить местность своими силами, благо зомби тут было мало. В одном из помещений на столе девушка в грязном камуфляже обнаруживает пакет. В нём лежат бумаги, диктофон и какие-то склянки в защитных футлярах. И записка, местами запачканная бурым.

«...ник Оксана Суворова. Описание того, что случилось с нами, есть на диктофоне. Отчёты и резуль... тестов – там же и в папке. Сигналы подавала, но помощи не дождалась. Я была обращена, но не утратила способность говорить, а Эрик (пока точно не уверена, так ли его зовут) дополнил, как мог, и я всё записала. Создать противоядие мне не удалось, но разработанный препарат снижает у зомби агрессивность и чувство голода. А ещё не знаю, как, но к ним порой возвращаются разум и чувства. Сильные и настоящие... Кровь подобного уникального индивида в пробирке Б-10.

...ю, нам уже не помочь. Но у вас, читающих это, есть шанс. Впрочем, у нас с Эриком тоже. Хотя бы ненадолго. Удачи».

На лице девушки появляется недоверчивая улыбка. Она хватается за пакет и выбегает из комнаты, бережно прижав его к груди.

– Док! Док, я тут такое нашла!..

История дракона. Душа в орлиной чешуе

Осиротевшие в детстве драконы почти всегда гибнут, не сумев защититься от сородичей. Этому повезло. Он был слишком одинок.

Укл сидел на камне, глядя на странное существо, упорно лезущее на другой валун. Он никогда не знал и не видел драконов. Чёрная шкура крохи напоминала шкуру ящерицы, но на маленькой спине подрагивали перепончатые крылья. Орёл думал. А существо, почти взобравшись на камень, начало соскальзывать вниз, но тут распахнуло крылья и неуклюже замахало ими. Узкое тельце подбросило вверх, малыш плюхнулся на камень и тоненько заклекотал.

И птичье сердце Укла дрогнуло. Они с Хесой потеряли своих первых птенцов. Совсем недавно на свет появились ещё двое, но ему было страшно снова увидеть горющую Хесу. Может, хоть это чудное существо поможет ей, если случится беда...

Когда Укл опустил ящерицу в гнездо, малыш дрожал и боялся шевельнуться. Хеса смотрела вопросительно, укрывая крыльями спящих птенцов.

– Нашёл в камнях, – Укл указал клювом на ящерицу. – Живёт пусть.

– Кто это?

– Ребёнок. Полетит, как мы. Прокормим.

Хеса недоверчиво покосилась на ящерицу и медленно накрыла её краем крыла. Кроха засопел и притих успокаиваясь.

* * *

– Мама, почему у меня не перья, а твёрдая шкура?

– У тебя нежная душа. Нужна броня.

– А зачем мне такой длинный хвост?

– Чтобы отмечать им путь. Другие смогут следовать за тобой. Спи, Унки. Спи, сынок.

* * *

Дождь сыпался холодными колючками. У Кета перья выросли гуще, чем у Сика, но их всё равно не хватало, чтобы согреться. Птенцы, раньше постоянно дравшиеся, теперь жались друг к другу, родители нахохлились, склонившись над ними, но и сами промокли насквозь. Вдруг чернотелый Унки тихо заурчал и, смешно задирая хвост, раскрыл над братьями тонкую мембрану крыльев. Птенцы прильнули к чешуйчатым бокам. Укл и Хеса переглянулись, и оба легко поняли, о чём думает другой.

У орлёнка Унки была странная внешность, но доброе сердце.

* * *

Кет и Сик глядели в пропасть под ними. Первый полёт... Их крылья уже украсились белыми пятнами, но птенцы робели и мяли лапами ветки. Хеса совершила очередной плавный круг рядом со скалой и опустилась на край гнезда.

– Вперёд! – кинула она через пернатое плечо, всё взъерошенное. – Раскройте крылья ветру. Ветер любит храбрых!

Сик даже головой замотал, но замер, когда Кет ущипнул его.

– Ветер полюбит Унки... – раздался шёпот за их спинами.

Они не успели обернуться. Чешуйчатый орлёнок промчался мимо них и кинулся в голубоватый горный воздух.

– Ветер полюбит Унки-и-и!..

Над скалами пронеслось холодное дуновение. Потом – торжествующий клёкот. А потом – восторженно дрожащая чёрная птица, ещё плохо управляющая сильным телом. Хеса с гордостью наблюдала за сыном, следом за которым поднимались в воздух его братья.

* * *

– Мама, мама, я слышал песню ветра!

– О чём?

– О тяжёлых облаках, которые трудно двигать. И о людях горы! Они хорошие, они умеют говорить так

же, как мы. А ещё об оленях в долине. Они правда носят ветки на голове?

– Однажды ты сам увидишь, Унки. Лети к братьям, они ждут.

* * *

Звери, живущие у подножия гор, разбегались в испуге. Сегодня небо снова грозило им смертью. Могучие орлы страшны зайцам и суркам, птицам и белкам, лисицам и маленьким косулям. Но когда пернатые молнии падают с небес, быстрее и неотвратимее всех – чёрная, большая и стремительная. И теперь тоже. Вскрикнул раненый зверь, и Унки, тяжело взмахивая крыльями, унёс вверх уже затихшего оленя. Дома будет пир. Он разделит добычу на той скале, где живёт с тех пор, как перестал помещаться в гнезде, и отнесёт часть родным.

Орлы заботятся о своей семье. Это Унки знает хорошо. Не он один помогает родителям, но всё же в его силах сделать больше, чем другие.

* * *

– Мама, я так рад, что у меня столько братьев и сестёр... Мне кажется, что когда-то я был совсем один.

– Это не так, Унки. Я всегда была рядом.

– И всегда будешь?

– Нет. Мы стары. Скоро отправимся за облака и станем смотреть на вас оттуда.

- А я увижу вас, если поднимусь очень высоко?
- Так высоко не поднимается никто. Посмотри: надо укрыться от грозы. Тучи рядом.

* * *

Бедя пришла неожиданно, вырвала из горла надрывный, не птичий вой. Зорким орлиным взором Унки издали разглядел разбитые остатки гнезда. Ветки пахли людьми – Унки чуял лучше, чем любой орёл. Это не люди гор, это злые, жестокие люди из долины. Он видел однажды, как они стреляли по зайцам, а потом ушли, не съев добычу. Внутри всё клубилось, как буря, и ноздри раздувались от гнева. На другой стороне скал он нашёл родителей. Укл и Хеса смотрели на сына с любовью и страхом. Его янтарные глаза налились алым и горели, как людские костры.

– Укроти гнев! Люди глупы. Пусть ветер разбросает их жилища – не ты, – просила Хеса, неловко опустив израненное крыло.

Унки нельзя было дозваться. Унки нельзя было остановить.

– Орлы не противники людям. Их стрелы коварны. Их клинки остры. Остерегись! – взывал Укл, поджимая лапы с обломанными о металл когтями.

У орла Унки была душа вольного охотника, но тело могучего воина.

Люди не ждали беды, не ждали расплаты. Она налетела на них огненным смерчем. Унки нёсся над

домами и головами, и орлиный клёкот превращался в горестный и яростный драконий рёв. Он плакал и ненавидел. Он страдал, потому что любил. И каждая капля горя обращалась огнём.

– Спасайтесь! Здесь дракон!

Нет, Унки был орлом. Стрелы отскакивали от чешуи, защищающей гордое птичье сердце, и крылья были пестры от серой сажки, как перья.

* * *

– Мама... Мама, я наказал людей. Они не придут больше... Что со мной, мама?

– Всё хорошо, Унки. Твоё сердце горячо. Ты не удержишь его огонь. Он может пугать. Но ветер любит тебя, мой храбрый орлёнок. Лети с ним...

* * *

Небо давно забыло тот пожар и очистилось от копоти. Новые гнёзда украсили скалы, и в горах шумит ветер, слышны орлиные разговоры.

– Мама, мама, я видела сегодня дракона! Чёрного, с глазами, как закат. Наши братья из долины называли его драконом.

– Никакой он не дракон. Он – орёл.

– Он не похож на нас...

– Конечно. Он ведь не простой орёл. Про него говорил прадед моего прадеда. Он закован в броню, чтобы оберегать нас, хвост его длинен, чтобы дру-

гим следовать за ним в дни бедствий, и сердце его горячо, чтобы опалить врагов и согреть друзей в холодные ночи.

– Мама, а долго он будет нас защищать?

– Никто не знает. Но, говорят, пока жизнь кипит в его теле, он не оставит свой народ.

И каждый юный орлёнок, затаив дыхание, подолгу смотрит в синее небо над горами. Смотрит, надеясь увидеть величественную тень чёрного, как ночь, орла.

История конца. Свинцовые леди не пишут мемуаров

Они придумывали мне много прозвищ. Я знаю почти обо всех. Моя слава слишком ярка, чтобы я могла обойтись всего лишь одним именем. Ещё бы...

Ещё бы они посмели не придумывать мне других имён.

Они думают, будто знают что-то о моих способах ведения дел. Они ничего не знают. Иначе любой другой смог бы из крохотной ремонтной фирмы, принадлежащей отцу, вырастить собственную крупнейшую строительную корпорацию. Монстра, пожирающего территории и чужие финансы с фантастическими скоростями. И, пожирая их, он исторгает из себя прекрасные здания и широкие магистрали, сверкающие стеклом и слепящие электрическим светом.

Вдох на мгновение застывает в груди от волнения и гордости.

Моё детище, моя армия из металла, бетона и кирпича, в какую же грязную, мерзкую, порочную почву уходят твои корни! Я ведь всё помню. Каждую взятку, каждого соблазнённого высокопоставленного идиота, решившего, что Свинцовая леди действительно может хотеть от него что-то, кроме

выгоды. Помню и сговоры с юристами, и сделки с откровенными бандитами. Ложь, лицемерие, наглость и жестокость – вот чем я удобрила эту почву, чтобы взрастить свой шедевр, ради услуг которого сильные мира сего готовы выкинуть миллиарды и пойти на любые уловки.

Вот в чём я всегда была чертовски хороша.

Свет гаснет. И, к сожалению, обволакивающая музыка, игравшая из колонок, замолкает. Теперь вокруг тишина дома и вопли с улицы. Значит, они обесточили коттедж: разорвали все найденные провода, наверное. Скоро проберутся внутрь. Варвары.

Я допиваю вино и наполняю бокал снова.

Единственное, что надёжно вычеркнуто из памяти, – это лица всех растоптанных и небрежно убранных с моего пути. Мне ни к чему помнить их, обманутых, сломленных и уже бессильных. Мне не нужны имена и гримасы тех, кому не хватило ума, наглости, изворотливости и умения получать деньги, чтобы обогнать меня. В моей жизни было достаточно важных людей, которым я оставляю всё, что имею. Им я отдавала всю любовь, на которую была способна. Все они в безопасности.

А на мой дом обрушиваются всё новые удары.

На губах сама возникает улыбка: я вижу эту улыбку и всё своё лицо с жёсткими чертами – они отражаются в стекле бокала. Морщины тоже видны.

Всё-таки несколько десятилетий жизни не прошли бесследно даже для Свинцовой леди. Свинцовая... Это прозвище придумал умный человек. Назови он меня какой-нибудь Железной леди, было бы смешно: я слишком беспринципна для честного, крепкого и простого железа. Свинец же мягок и податлив. А ещё он ядовит.

И из него когда-то отливали пули.

За спиной, в соседней комнате, слышится треск и звон разбитого стекла, и в помещение врывается рёв разъярённой толпы. Я делаю последний глоток из бокала.

Что ж, это было ожидаемо. Рано или поздно терпение стада должно было лопнуть, и вот они наконец-то решились высказать всё этой лицемерной бесстыжей бабе (ах, какая же она сволочь!), расколотить ей окна, а её саму... Ну, что они со мной сделают, я вот-вот узнаю.

Откидываю бокал в сторону.

Дзинь.

Люди налетают волной, хватают меня, рвут на мне одежду и тащат на улицу. И орут. Как же громко они орут.

– Продажная лживая гнида!

– Тварь!

– Теперь поплатишься! Тащи её сюда!

Правая рука выворачивается на излом, в рёбра впиваются чьи-то острые пальцы. Как давит внутри...

Как распирает от смеха! Ах вы, беснующиеся идиоты, пришедшие воздать по справедливости! Да разве был бы у вас повод прийти сюда, если бы эта ваша хвалёная справедливость существовала?! Давайте, убейте ненавистную богачку! И пусть моё посмертное фото закрасит квадратами цензура, а статью с ним назовут «Кровавое убийство Свинцовой леди». И напишите свои имена покрупнее – люди должны знать своих героев!

Да, это будет лучше любых слезливых мемуаров. Лучше любого трогательного письма, что я могла оставить родным... Они увидят, что я была бесчестной, но не сбежала.

Удары сыплются один за другим. От боли темнеет в глазах, и я улыбаюсь последний раз. Дерзко, презрительно.

Ни о чём не жалея.

История снеговика. Пахнет весной

Дашу ещё только-только слепили, а ей уже понравилась зима.

Соседка Валентиша охотно объяснила ей, как это хорошо. Небольшой куст сирени, растущий рядом, внимательно смотрел на них и молчал.

Разве нужно знать совсем юному снеговичку, что у зимы есть начало и есть конец?

Вместе с Валентишей и кустом Даша исследовала доступный ей мир. Болтала со снежинками и птицами, разрешала воробьям греться в своей потрёпанной шляпке, любовалась на прохожих. Даше безумно нравились закаты и рассветы. В это время снег так и переливался удивительными цветами.

Закатный снег был красивее и цветастее рябины, растущей высоко над Дашей.

Люди Даше тоже нравились. Валентише они нравились ещё больше, а особо страстную любовь она питала к снежным ангелам. Эти углубления, отдалённо похожие на снеговиков, оставляли в снегу всё те же люди. Даша и Валентиша пытались с ними заговорить, но углубления молчали. И неудивительно.

В конце концов, если ты всего лишь чей-то слепок, как ты можешь поддержать беседу?

Сиреневый куст говорил в основном по ночам: это помогало ему отвлечься от холода. Он рассказывал Даше удивительные вещи. Про траву и цветы, про дождь (это такой снегопад, только очень мокрый), про велосипеды и платья у людей. Про влюблённых, сидящих под его ветками, про детишек, играющих вокруг него, про друзей, считающих лепестки на его цветах.

То, что куст называл теплом, казалось Даше особенно интересным. Куст не смог это описать, но сказал:

- Я могу дарить счастье, только когда есть тепло.
- Значит, оно есть сейчас? – удивилась Даша.
- Нет.
- Но ты же даришь мне счастье.

На это куст ничего не смог ответить.

День за днём вставало и заходило солнце. Спешили мимо люди. Прилетали и улетали птицы. Рассказам куста не было конца, радости и интересу Даши – тоже. Они с Валентишей слушали с восторгом, и сердечки их замирали бы, будь они у снеговиков.

Однажды пришли мальчишки и начали толкаться. Дашу уронили, и она осталась лежать на спине, глядя в небо. Валентишу не было видно, зато было видно куст.

Даша звала подругу, но та больше не откликлась.

Куст про неё ничего не говорил. Он говорил много всего другого. Например, сказал, что Дашина голова на фоне шляпки похожа на солнце в золотых лучах. Даше такое сравнение понравилось. Солнце она тоже любила, хотя куст при упоминании об этом становился немного грустным.

Как-то утром Даша поняла, что воздух пахнет странно. Не было запаха холода, рябины, сухой древесины и соломы. Новый запах щекотал её снежное личико так, что оно, казалось, начинало расплываться.

– Что это происходит? – спросила Даша у куста.

– Идёт тепло, – тихо ответил куст.

– О, это замечательно! Когда придёт тепло, ты сможешь дарить всем счастье. И мне тоже, да? Я столько всего хочу увидеть и узнать. И траву, и велосипеды, и главное – счастье, ещё больше счастья! А уж как здорово нынче пахнет! Что это за запах, а?

Куст помолчал, и ветки его качнулись.

– Пахнет весной, моё солнышко. Счастья не будет.

– Как это?..

– То есть оно будет, конечно. Но не у тебя. А ты... – куст снова замолк, а потом рассмеялся, горько и еле слышно. – О, погоди. Я тебе говорю

ерунду, моё солнышко. У тебя не будет счастья. Ты сама станешь его частичкой.

Даша восторженно ахнула и затараторила снова. А куст стоял, склонив ветки под тяжестью намокающего на них снега. И смотрел на медленно тающего снеговика, лежащего у его корней.

История бога. Пробуждение божества

Сколько уже воды утекло...

Воды утекло немало. Реки унесли тысячи и тысячи волн, убежали в моря, изменили русла, иссохли и наполнились до краёв, слились и разделились на рукава, точно дороги. По ним несётся вдаль алое марево, расплывающееся на воде – кровавые слёзы, следы горя.

А по берегам рек нескончаемо звенит металл и разносятся крики. Войны, вечные войны покрывают землю зловещим багрянцем, и льются потоки крови в ручьи и озёра, наполняют алым цветом водопады и вспениваются на речных порогах.

И с самого начала времён бродил по берегам, оставляя невидимые следы на пропитанной болью земле, черноглазый Аруш. Бог без храмов и жрецов, одинокий бог забытой религии, что появилась на миг, как солнечный луч, и рассыпалась в прах. Не нужны ему жертвы и молитвы, ему не возносятся просьбы и не рисуют его изображений, не создают статуи и не шепчут его имя с благоговением.

Но когда израненный воин, оставленный на поле боя, или же военнопленный в подземельях, измученный пытками, в отчаянии хрипит, моля о пощаде...

Тогда приходит он.

Тень в белом, с чёрными глазами и серьёзным взглядом, таким искренним, что кажется наивным. В последний миг жизни умирающий видит свет во тьме – отблеск солнца на клинке, легко и безболезненно рассекающем горло страдальца. Нет от этой раны крови, нет звука, нет самого удара.

Аруш – одинокий бог, бродящий по полям сражений и мрачным камерам пыток. Бог, дарующий лёгкую смерть.

Но люди боялись смерти, боялись конца, отодвигали его всеми силами. И Аруш всё чаще подолгу стоял над несчастным, находящимся на грани, и не мог помочь ему окончить путь. Ведь эти люди ещё могли жить. И однажды Аруш исчез. Никто не знал, в какой чащобе, в каких дальних землях он теперь, но кто-то из стариков говорил, будто Аруш уснул. Спит он глубоко, и неведомо самому небу, проснётся ли когда-нибудь черноглазый бог...

Сон был крепок и спокоен, как сама смерть. Но ни один сон не может продолжаться, когда от жара начинают тлеть короткие серые волосы, появившиеся из-под земли. Чернотой, подобные безлунной ночи, открываются глаза, и Аруш садится, освобождаясь от пылающих слоёв земли и съёжившейся травы, от плавящихся камешков и обгоревших кусков дерева. Вокруг словно пылает ад, но ему всё равно: он знает, что нет никакого ада.

Есть лишь конец и пустота, из душ состоящая и их из себя выпускающая. В его многолетнем сне тоже была благословенная, вечная пустота.

Но что же разбудило его?

Аруш поднимается, шелестя одеждami. Из глубокой, большой воронки, оставленной бомбой, выходит черноглазый бог и долго смотрит на омертвевшую дымящуюся землю. Если бы она была человеком, он перерезал бы для страдальцы её хрипящее горло. Отвернувшись, Аруш поднимает взгляд и неслышно начинает путь по новому миру. И мир удивляет его.

Столько страшного одинокий бог Аруш не видел ещё никогда.

Природа, умирающая под натиском бетона и металла. Тысячи животных, которые не могут найти себе места, и тоже обречены на смерть. Небо, полное дымом, и воды, тёмные от ядовитой грязи и сора. Целые народы, живущие в грязи, голоде и жестокости. Кричащие отовсюду лица, призывающие тратить силы и средства, бездумно пользоваться тем, что ещё удаётся создавать людям. Ужасающие по масштабам войны, ведущиеся порой за то, что не имеет никакого значения... Всё это видит Аруш, и чёрные глаза его ещё больше мутнеют от печали.

Он знает, что ждёт людей. Всех их.

И однажды на закате в каждой стране, что имеет на вооружении силу атома, в месте, куда

есть вход лишь сильнейшим мира сего, появляется тень в белых одеждах. Никто не может помешать молчаливому богу, нажимающему пусковые кнопки командных пультов.

И над землёй взлетают сотни ракет.

Аруш проснулся не даром. Пробудился, чтобы облегчить участь умирающих в муках.

История ведьмы. Страшная исповедь

На деревенской площади в вечернем сумраке виднелось множество людских фигур. На помосте посреди этой площади, около сложенных для костра дров и хвороста стояла молодая женщина. Её густые каштановые волосы, мягкие и блестящие, растрепались на прохладном ветру, подол платья, напоминавшего крылья ворона, летел за её спиной, а чёрные глаза блестели от слёз.

– Слушай же меня, безмолвная толпа! Я говорю для вас. Всего луну назад я вернулась в родную деревню, – с горечью в голосе произнесла женщина. – Я всей душой стремилась домой, но здесь ждал меня костёр... Разве я стала ведьмой от одной только моей красоты?! Разве от сильной любви может женщина превратиться в ведьму?! Но вы решили так... И когда пришла страшная, жестокая чума, мои муж и сын умерли у меня на руках. О, вы могли бы ликовать и злорадствовать, глядя на меня тогда: моей красоты как не бывало, всю её сожрала болезнь... И помог ли мне кто-нибудь? Попытался ли деревенский лекарь облегчить наши страдания? Нет, он бежал, потому что ведьма недостойна сострадания, как и её семья... Но я простила вас. Простила всех, и всё же семью потерять не могла.

Тут слёзы покатались по её лицу, тонкому, разгорячённо-румяному от рвущихся наружу чувств.

– Даже бог, казалось, меня забыл! Я не могла обратиться ни к кому другому, кроме одного... О, тёмный господин... Ему я продала свою душу, ему поклялась служить, если мои муж и сын будут со мной рядом. Он обещал... Он поклялся, что постепенно я получу удовлетворение в своём желании. И повелел творить страшное. Хотела ли я убивать, хотела ли навлекать смятение и злобу на людей?! Не хотела, не хотела я страданий, не хотела смертей!..

Она на миг замолчала, прижав маленькую ладонь к глазам. Когда она отняла руку от лица, её взгляд горел решимостью договорить во что бы то ни стало.

– Но это было бремя, которое уже нельзя сбросить... Наблюдая за сотнями жизней и страданий, глядя на мучительную ненависть, зависть, злобу и предательство, на то, как люди сами губили друг друга, я поняла... Поняла, как забавны и глупы люди! Поняла, как наивна и глупа была я сама! – Она вскинула голову, обводя взглядом всех находившихся на площади. – И это от вас я ждала сострадания?! К чему мне нужна была жалость существ, подобных вам? Вы никогда не будете так честны в своих обещаниях, как тот, кого вы зовёте отцом жи. Действительно, я получила удовлетворение в своём желании... Вернувшись сюда спустя век, когда

все, предавшие меня, уже были мертвы, я увидела тех, кто ещё помнил, что меня следует ненавидеть и бояться! Как отраднo и лестно мне стало от такой долгой памяти!

Она взмахнула руками, широко разведя их в стороны. Её глаза сверкали, но не от слёз, а от горящего в них дьявольского огонька.

– Разве я виновата, что род людской таков? Разве моя вина, что мне понравилось морочить и губить? – она рассмеялась. – Моя, чья же ещё?! Во всём виновата я одна... И как же мне это нравится! Я говорю для вас, потому что вы самые внимательные слушатели моей весёлой исповеди! Передайте же её каждому, кто придёт по душу ведьмы! По душу, которая уж давно отдана!

Она легко прыгнула с помоста, обернулась, сверкнула белозубой улыбкой.

– Милые мои, нам пора.

Тела мальчика лет семи и мужчины, опрятно одетые, прекрасные, точно искусно сделанные восковые фигуры, почти неслышно двинулись за ней. Глаза их тускло горели неживым огнём. Чуть пританцовывающей походкой проходя меж трупов, заполняющих площадь, красавица сдёрнула с одной женщины тонкую белую шаль и накинула на плечи.

– Мне к лицу, дорогой? – спросила она у мужа, садясь на место кучера в тёмной коляске, запряжённой двумя чёрными конями.

Мужчина качнул головой. Ведьма поджала губы и отвернулась.

– Верно. Совсем не к лицу, – проговорила она, хлестнув коней вожжами.

Коляска рванула с места, мигом промчалась через вымершую деревню и холм, и с вершины его сорвалась на дорогу уже не повозка, а стая громко каркающих ворон, унёсшаяся в вышину. На площади полыхал костёр, огонь начал захватывать помост, трупы и ближайšie дома. Белая шаль, слетевшая сверху, скомканным листком упала в пламя.

История великого. Акорэст

Вы слышали про «тот» дом? Каждый в двадцать третьем веке знает его.

Сияющий небоскрёб на набережной, весь со-роковой этаж – одна квартира. Стены её белы, как лист бумаги. На них – история её владельца.

Того самого.

Вот фото с конкурса первоклассников: Тинни получает высшую похвалу и приз за актёрское искусство. Вот диплом ученика Протиноя – за победу на городском конкурсе чтецов. Тут же ещё один – победа на международном конкурсе. Сияет медаль за лучший сценарий мероприятия для города. Рядом с отличным аттестатом теснятся награды за общественные проекты и почётный знак лучшего молодёжного ведущего.

Дальше пора института, пёстрая от лент, на которых гроздьями повисли капли медалей. Лучший радиоведущий города, самый молодой сотрудник городского телевидения, Организатор концерта «Голо–2200», Победитель мирового конкурса «Юный руководитель в искусстве».

Дальше видна голографическая рамка с десятками любовных записок от девушек.

Череду криливо-ярких наград сменяет фото: свадьба Протиноя Гиафимиса и прелестной Лашта-

ры Гальи. Это ещё одна победа: Лаштара – богатая фотомодель, красавица с обложек. Потом выпуск из института: на фото Гиафимис и преподаватели, подпись – «Лучший студент двадцатилетия».

Белый цвет вновь исчезает за пёстрым ковром из наград и фото. Протиной Гиафимис, человек, открывший более десяти успешных телевизионных и интернет-программ. Легендарный ведущий, известный как Акорэст, за которого борются сотни продюсеров.

Акорэст, способный довести до экстаза многотысячный зал одной своей улыбкой и словами: «Приветствую вас, счастливицы!».

И люди в зале счастливы.

Акорэст, который провёл первое представление в только что открытом театре Марсианской колонии. Акорэст, который заставил людей на шоу рыдать от восторга в день, когда на другом конце мегаполиса взрыв убил две тысячи человек. Акорэст, создавший своё десятое мировое шоу за три дня, которые лично работал с техниками и исполнителями.

Акорэст, ради выхода на сцену с которым международный террорист сам сдал властям украденную ядерную боеголовку. Акорэст, тот, о ком и при помощи кого снято столько фильмов, что недели непрерывного просмотра для них мало.

Стена ненадолго выныривает из ярких цветов: тут улыбается с фото сын Протинья, которому проро-

чат великое будущее. И снова награды и призы, благодарности и письма о любви. Знаменитый Акорэст, гениальный Акорэст, величайший шоумен и чтец.

Он может вдохновить любого исполнителя, и тот выйдет звездой мирового уровня. Может прочесть любое произведение так, что оно будет вызывать слёзы радости, горестный вой, безудержный смех и изумлённые возгласы. Может заставить радоваться и восхищённо замирать тех, кто умирает от неизлечимой болезни, кто накануне потерял семью, кто отдал за билет на его шоу последние деньги, кто вот-вот отправится на казнь за страшное преступление. Может завладеть сердцем человека, лишь улыбнувшись ему. Может создать праздник в тусовочном задымлённом клубе и в сияющем громадном зале, на руинах сгоревшего здания и в холодном свете космической станции.

Он может говорить на равных с известнейшими дипломатами, потому что его слушает, затаив дыхание, весь мир. Ни одна война не начнётся в тот миг, когда он на сцене.

Великий Протиной Гиафимис может всё. Но те, кто рядом с ним, – нет.

Под торжественным приказом о том, что новую открытую звезду назовут Гиафимис-1, темнеет капсула с прахом. Прахом двадцатидвухлетнего сына Акорэста, покончившего с собой. «Я не часть твоего шоу», – записка, сожжённая вместе с его телом.

Дальше белые стены уже не сверкают. Время медалей прошло: для Акорэста это лишь металл. Теперь – только ошалевшие от счастья люди на фото. Таксист, подвёзший Гиафимиса до дома. Его стилист на одном из выступлений. Пластические хирурги, врачи. Молодой талантливый ведущий, которого Акорэст одобрительно похлопал по плечу. Сотрудник известного ателье.

Снова капсула с прахом. Лаштара умерла за месяц до столетия. Сразу из крематория Протиной Гиафимис поехал на концерт в честь юбилея писателя и читал его произведения. Потом люди писали в соцсетях, что от тех слов и его голоса хочется жить и радоваться жизни.

Фото с богатыми поклонниками, благодарность за выход в плохом состоянии здоровья. Сертификат на бесплатную сложную операцию: «Ваш труд – плата гораздо большая, чем то, что мы можем Вам предложить». И вновь великий Акорэст на сцене.

«Моё шоу будет длиться до тех пор, пока люди любят его».

А люди любят. Уже больше века их любовь заменяет ему собственную способность любить, но это не мешает. Ведь Акорэст может всё.

Он открывает глаза и видит лица людей. Проверка реакции, подвижности, после всего – путь к зеркалу. В нём Акорэст лет сорока, с прежней безупречной улыбкой, только крепче и долговечнее

оригинала. Глазами нового кибернетического тела старик, перешедший рубеж в сто пятьдесят лет, глядит в окно, на экран с новой афишей.

Премьера века! «Вечное шоу» несравненного Акорэста!

Купите же свой счастливый билет.

История надежды. Слушая небо

Эгрин случайно заметила маленькую фигурку, бегущую по мелководью к огромным тарелкам. Заметила и побежала следом, чувствуя, как сжимается сердце. Слишком хрупким казался крохотный человечек на фоне колоссальных конструкций. В глаза били золотые лучи закатного солнца, играющие бликами на рыжих волосах девочки.

Кроха взобрался по лесенке на площадку под самой тарелкой и замер. Эгрин подошла ближе. В нескольких метрах над ней сидел светловолосый мальчик с красным свёртком в руках.

– Что ты там делаешь? – громко спросила Эгрин.

Мальчик помедлил, всё же опустил взгляд на неё и ответил так, что девочка едва расслышала:

– Слушаю. Не трогай меня.

– Я поднимусь, ладно?

– Не надо.

– Пожалуйста.

– Нет...

– Пожалуйста, позволь мне.

Снова пауза. Потом мальчик кивнул. Эгрин забралась на площадку и села рядом с ним.

– Что ты слушаешь?

– Небо. Как они, – мальчик кивнул на тарелки.

– Они уже давно ничего не слушают. Их отключили, как и всё остальное.

– Я знаю.

– Тогда зачем ты пришёл сюда?

Мальчик молча покачал головой и закрыл глаза.

– Меня зовут Эгрин. А тебя?

– Тодд. Зачем ты мне мешаешь?

– Мешаю что?

– Я же сказал: слушать.

– Тут опасно это делать, Тодд. Почему именно здесь?

– Эти штуки здесь не просто так поставили. Раньше они слушали небо, а значит, тут его хорошо слышно. Вот на этом самом месте. Поэтому я тоже прихожу сюда.

Эгрин опустила голову и сорвала цветок вьюнка, оплетшего перила площадки. Тодд слушал что-то с закрытыми глазами, а девочка думала.

– Зачем ты за мной пошла? – вдруг первым прервал молчание Тодд. – Тут ведь опасно, ты сама сказала.

– Вот поэтому и пошла. Конечно, когда вред техники и всякой электроники поняли, то отключали её всю, но кое-где, говорят, остался ток. Та жуткая невидимая штука... А ещё эти машины могут упасть.

– Это всё ерунда. Люди просто суеверные, – Тодд наконец-то открыл глаза и посмотрел на Эгрин почти сердито.

Девочка враждебной не выглядела. И не смотрела на него с усталостью, как взрослые, хотя явно была старше Тодда. Но это его не смягчило.

– Если боишься чего-то, лучше уходи.

– Я хочу понять, что ты слушаешь.

– Не твоё дело, – сказал Тодд и отвернулся.

– Пожалуйста.

– Отстань.

– Пожалуйста, позволь мне узнать.

– Ты снова?! – теперь уже точно рассердился мальчик. – Отстань от меня! Ты мне мешаешь!

– Я уйду, если расскажешь.

Тодд отвернулся снова. Некоторое время он молчал, потом сказал негромко:

– Мой папа – лётчик. Когда всё стали отключать и уничтожать, он не хотел расставаться со своим самолётом и улетел. Я знаю, что была и война, и это отключение, и беспорядки, но он наверняка остался жив. И до сих пор летает где-то. Я хочу услышать, когда он будет пролетать близко, и подать ему знак.

Здесь Тодд развернул красную ткань, и Эгрин увидела фейерверк на подставке. Из кармана мальчик достал коробок спичек, тряхнул им и тут же спрятал обратно.

– Всё, ты довольна? Теперь иди. Обещала ведь уйти, когда...

– Ты его не жди лучше, Тодд.

Мальчик замер, не завернув фейерверк в тряпку до конца.

– Что?..

– Моя мама – не лётчица, но она забралась повыше. Она была космонавткой. И тоже не хотела уходить из космоса, когда всё решили отключить. Тётя говорит, если их не спустили на землю, то за семь лет у них просто кончились припасы, энергия, и они все... – девочка замолчала и, вытянув руку, разжала пальцы.

Дети проводили взглядами падающий вниз белый цветок вьюнка, смятый и совсем маленький.

– Папа не в космосе. Он совсем недалеко от Земли, и он может пополнять припасы, и заправлять самолёт, и...

– Он не может. Всё это неправда. Если он до сих пор не вернулся к вам, значит, он тоже... Он умер, как моя мама, – Эгрин наклонилась вперёд, заглядывая в глаза Тодду.

– Он летает где-то там... – тихо и упрямо сказал мальчик.

– Не летает. Все самолёты вышли из строя, даже если их не отключили. И все машины. И всё остальное. Техника была страшным оружием, поэтому теперь её нет. Эти тарелки ничего не слышат. Самолёты никуда не летят. Твой папа и моя мама никогда не вернуться, – Эгрин немного помолчала. – Пора идти. Темнеет.

Эгрин протянула руку и взяла с колен Тодда свёрток с фейерверком. Когда она встала на ступени лесенки, чтобы сойти вниз, послышался шёпот.

– Откуда ты знаешь, что там ничего нет?..

– Мне уже одиннадцать, – ответила Эгрин, глядя на ржавый металл под ногами. – И я тоже слушала. Шесть лет. А ты?

– Три года. Мне восемь.

– Будешь слушать ещё три – ничего не услышишь, – сказала Эгрин и начала спускаться, но её снова догнал голос Тодда.

– А что, если ты просто не дождалась?

Девочка снова замерла и подняла голову. Тодд смотрел на неё, свесившись с площадки, и светлые волосы закрывали его лицо от солнца.

– Что если твоя мама просто не успела добраться до Земли? Космос ведь далеко. Я ещё не дождался папу. А ты – маму. Разве не так?..

Эгрин крепче сжала свёрток и заспешила вниз по лесенке. Быстро шагая прочь от тарелок, девочка обернулась и увидела, что Тодд всё ещё сидит на краю площадки. И снова побежала прочь.

Ночью она выбралась из дома и долго смотрела на небо.

Следующим вечером Тодд случайно заметил фигурку, бегущую по мелководью к огромным тарелкам. Заметил и побежал следом, чувствуя, как бешено колотится сердце. Слишком знакомым

Татьяна СЕЗРЮКОВА

казался человек на фоне колоссальных конструкций. В глаза били золотые лучи закатного солнца, играющие бликами на светлых волосах мальчика.

Фигурка взобралась по лесенке на площадку под самой тарелкой и замерла. Тодд подошёл ближе. В нескольких метрах над ним сидела рыжая девочка с красным свёртком в руках.

Содержание

История выбора.	
Лицензия	3
История зомби.	
Оксана.....	11
История дракона.	
Душа в орлиной чешуе	25
История конца.	
Свинцовые леди не пишут мемуаров.....	32
История снеговика.	
Пахнет весной.....	36
История бога.	
Пробуждение божества	40
История ведьмы.	
Страшная исповедь.....	44
История великого.	
Акорэст.....	48
История надежды.	
Слушая небо	53

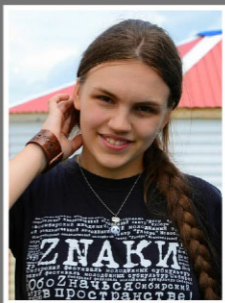
Таисия Андреевна Севрюкова
Истории о...

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Денис Безлюднев
Корректор Людмила Моисеева
На обложке рисунок Анастасии Китаевой

Допечатная подготовка –
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 30.10.2019 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Агентство «Пресса»:
Оренбург, ул. Пролетарская, 15,
Тираж 200 экз. Заказ № _____.

Таисия Андреевна Севрюкова родилась в Новосибирске в 2002 году. Учится в Новосибирском областном колледже культуры и искусств на режиссёрском отделении. Пробовала себя в разных областях. Играет в учебных постановках и режиссирует их. Окончила художественную школу, занимала призовые места на художественных конкурсах. Получила степень 4 кю по айкидо. Участница Открытого всероссийского фестиваля детского мультипликационного кино «Жар-птица». Победитель городского этапа конференции «Первые шаги в науке» в разделе «Искусство».

Стажёр на выездных проектах авторской школы «Нооген».

Впервые попробовала себя в стихосложении в семь лет, начала писать прозу в пятом классе. Участвовала в литературных конкурсах онлайн и в небольших поэтических вечерах. С февраля 2019 года участвует в литературном проекте в соцсетях «Шторм». Первым большим шагом вперёд стала победа в 2019 году в номинации «Фантастика» на Всероссийском семинаре-совещании молодых писателей «Мы выросли в России» (Оренбург – Бугуруслан – Аксаково), наградой за которую стала эта книга. Точно знает, что все миры реальны, пока мы в них верим.

Были в серии «Новые имена»

Александра Малашова. «Здравствуйте, девочки». Рассказ

Мария Демочкина. «Ты только не грусти!». Очерк

Михаил Червяков. «Мальчик-поэт». Стихи